

КОНЦЕПТ «ГОРОДА» В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

Р. С. Сащeko

*Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, romansashcheko@gmail.com*

Рассматривается эволюция концепта «города» в мир-системной парадигме Ф. Броделя, И. Валлерстайна, А. Г. Франка, С. Амина, Дж. Арриги и Т. Дус Сантуса: от трактовки города как исторической структуры и центра экономической иерархии до структурно-функциональной модели, в которой город выступает узлом в системе глобального разделения труда между ядром, полупериферией и периферией. Представлен анализ теории зависимости, раскрывающей механизмы «развития недоразвитости» и феномен «уродливой урбанизации» на периферии мировой системы.

Ключевые слова: мир-системный анализ; город; историческая структура; глобальное разделение труда; теория зависимости; «уродливая урбанизация»; циклы накопления; «новая зависимость»; финансовая экспансия.

Город в методологической программе мир-системного анализа является одним из основополагающих концептов в рамках перманентной полемики изучения прошлого и настоящего мировой цивилизации, обнаруживая перспективы и эвристический потенциал в контексте осмысления и уяснения логики исторического развития будущего капиталистической мир-экономики [1, с. 29].

Мир-системный анализ представляет собой макроисторическую парадигму исследования, ориентированную на историческую перспективу анализа циклов, тенденций и долгосрочных структурных характеристик мировой экономики.

У истоков мир-системной программы – крупнейший представитель французской исторической школы «Анналов» Ф. Бродель. В работе «Динамика капитализма» (1985), автор предлагает оригинальную методологию анализа города. Для Ф. Броделя город – это не просто населённый пункт, а фундаментальная историческая структура, обладающая исключительной устойчивостью. Он существует в ритме – «длительной временной протяжённости» (*longue durée*), переживая смену политических режимов и экономических конъюнктур [2, с. 14].

Ф. Бродель наделяет город двойственной природой: с одной стороны, он погружён в повседневную материальную жизнь, с другой – является мощным ускорителем изменений. Как отмечает автор, «города и деньги являются одновременно и двигателем, и показателем развития; они вызывают изменения и указывают на них. Но при этом они также являются их следствием» [2, с. 21]. Эта диалектика позволяет рассмат-

ривать город не как пассивный элемент экономического ландшафта, а как активного участника исторического процесса.

Один из ключевых тезисов Ф. Броделя заключается в том, что экономика «старого порядка» (XV–XVIII вв.) была организована в виде жёсткой иерархии, включающей в себя так называемый «нижний уровень» (элементарные рынки и лавки) с преобладающим «приземленным» обменом и конкурентной борьбой, и «верхний уровень» – зона сложного, «высшего» обмена, характеризовавшаяся стремлением к монополии и максимальной прибыли (ярмарки, биржи, операции негодантов). В такой классификации, именно «верхний уровень» и становится центром страхования, фрахта, торговли ценными бумагами и международными расчетами [2, с. 55–57].

Город, по Ф. Броделю, является местом концентрации именно верхнего уровня обмена. Яркой иллюстрацией служит его описание площади Риальто в Венеции, где на небольшом пространстве сосуществовали рыбный рынок, мясная лавка и финансовая биржа [2, с. 27]. Такая пространственная близость символизировала единство экономической системы, где разные уровни обмена поддерживали друг друга. Город – это физическое воплощение рыночной экономики, пространство, где «масляное пятно» обмена растекается, связывая локальную автаркию с более широкими экономическими сетями.

Ф. Бродель использует выразительную метафору, называя городское торговое сердце «чревом» (*le ventre*) экономики [2, с. 27]. Эта метафора подчёркивает функцию города как центра концентрации, переработки и перераспределения всех экономических потоков – товаров, капитала, кредитов и информации. Город активно организует экономическое пространство вокруг себя, создавая зависимость периферии от центра. Из этого можем извлечь методологический принцип мир-системного подхода: глобальные структуры рождаются из конкретной материальной и экономической практики, и город – идеальная призма для их наблюдения.

В отличие от подходов, рассматривающих город как автономный организм или культурный феномен, мир-системный анализ И. Валлерстайна предлагает структурно-функциональное понимание урбанизации как неотъемлемого элемента глобальной капиталистической системы. Для Валлерстайна город – это не самостоятельная сущность, а производная от его места в международном разделении труда.

Основу мир-системного анализа И. Валлерстайна составляет тезис о существовании с XVI века единой «мировой капиталистической экономики» – глобальной социальной системы, основанной на едином разделении труда и капиталистическом способе производства. Ключевым структурным принципом этой системы является ее разделение на

три иерархические зоны: 1) ядро – зона, в которой концентрируются высокотехнологичные, капиталоемкие производства и функции управления, позволяющие извлекать прибавочный продукт из других зон; 2) периферия – зона, поставляющая сырьевые ресурсы и дешевую рабочую силу, находящаяся в положении структурной зависимости от ядра; 3) полупериферия – буферная зона, выполняющая посреднические функции между ядром и периферией, частично заимствующая черты обеих [3, с. 27].

Города в этой системе не являются независимыми акторами, а выполняют функции, детерминированные позицией их государств и регионов в международном разделении труда.

Согласно логике И. Валлерстайна, города служат материальными узлами, через которые осуществляется накопление капитала и управление мировой экономикой.

Города ядра функционируют как финансовые, политические, научно-технические центры, где аккумулируется прибавочный продукт, извлеченный из периферийных и полупериферийных регионов.

Города периферии являются пунктами передачи ресурсов и прибавочного продукта по направлению к ядру.

Города полупериферии играют стабилизирующую роль в мир-системе, обеспечивая социальную мобильность и смягчая прямые противоречия между ядром и периферией.

Если И. Валлерстайн рассматривал город как функциональный узел в иерархии единой капиталистической мир-экономики, то А. Г. Франк и С. Амин сместили фокус исследований на деструктивные последствия этой интеграции, показывая, как подчинение глобальному капитализму приводит к структурной деформации городов и обществ на периферии мировой системы.

Согласно концепции «развития недоразвитости» А. Г. Франка, капиталистическая мир-система не преодолевает отсталость, а активно производит её, выстраивая такую структуру отношений «центр-периферия», при которой развитие метрополий напрямую обусловлено систематическим недоразвитием подчиненных регионов.

Функционирование этой системы обеспечивается иерархией городов, выступающих узлами в цепях извлечения ресурсов по схеме «метрополия-сателлит». На глобальном уровне доминируют города-метрополии развитого капиталистического ядра (Лондон, Нью-Йорк). Им подчинены национальные метрополии – главные города стран периферии, которые, в свою очередь, эксплуатируют региональные центры внутри своих стран. Основание этой пирамиды составляют локальные сателлиты – сельские поселения, чьи ресурсы в конечном счете извлекаются в пользу верхних уровней системы.

Функция города-сателлита (национальной или региональной метрополии) заключается в том, чтобы обеспечивать выкачивание экономического излишка с низших уровней системы и его передачу на высшие уровни, вплоть до мировой метрополии [4, с. 95–98].

Города периферии изначально возникают и развиваются не как центры автономного экономического роста, а как трансмиссионные механизмы в системе эксплуатации. Возникает поляризованная экономика «двух скоростей», где рост столицы-метрополии оплачен стагнацией и регрессом окружающих территорий.

С. Амин, развивая теорию зависимого развития, выделил специфические черты периферийного капитализма. Одним из наиболее ярких его проявлений становится феномен «уродливой урбанизации», характеризующийся неорганичным и диспропорциональным ростом городов.

В отличие от урбанизационных процессов в странах ядра, исторически сопряженных с индустриализацией, на периферии мировой системы наблюдается структурный разрыв между урбанизацией и развитием производительных сил. Для крупных агломерации глобального Юга (такие как Каир, Карачи, Сан-Паулу) наблюдаются следующие тенденции зависимой урбанизации.

Во-первых, наблюдается гипертрофия третичного сектора. Вместо диверсифицированной промышленности здесь доминируют торговля, услуги, неформальный сектор и бюрократический аппарат. Этот сектор выполняет не производственные, а перераспределительные функции, обслуживая сырьевую экономику.

Во-вторых, происходит маргинализация и расширение трущобных зон. Массовый приток разоренного сельского населения, не находящего места в современной экономике, приводит к лавинообразному росту маргинальных территорий. Эти анклав формируют резервную армию труда для неформального сектора.

В-третьих, характерна имитация моделей потребления. Городские элиты воспроизводят потребительские стандарты метрополий, что стимулирует импорт дорогостоящих товаров и вызывает утечку капитала, ослабляя внутренние накопления и дестабилизируя местную экономику [5, с. 94–96].

С. Амин рассматривает такой город как прямое порождение и наглядное воплощение периферийного капитализма, где пространственная организация служит механизмом зависимости, обеспечивающим передачу ресурсов и прибавочного продукта в центр мировой системы. Эта модель порождает зону «уродливой урбанизации», характеризующуюся фундаментальным разрывом с производительной индустриализацией, что, в свою очередь, ведет к массовой социальной маргинализации и структурной деформации экономики в форме гипертрофии непроекти-

тельных секторов. Именно поэтому, с точки зрения А. Г. Франка и С. Амина, преодоление этих проблем требует не внутренних реформ, а кардинального разрыва с логикой зависимости от мировой капиталистической системы, которая воспроизводит данную деформацию на структурном уровне.

Развивая идеи «мир-системников» Ф. Броделя и И. Валлерстайна, Дж. Арриги в работе «Долгий двадцатый век» предлагает модель системных циклов накопления. Каждый цикл ассоциируется с определенным городом-гегемоном, который становится организационным центром мировой экономики на определенном историческом этапе. Город, в модели Дж. Арриги, выступает ключевым пространственным плацдармом капиталистического накопления. Каждый новый системный цикл накопления порождает специфическую организационно-институциональную конфигурацию, воплощающуюся в доминирующем городе-гегемоне (автор приводит следующую историческую последовательность: Генуя, Амстердам, Лондон, Нью-Йорк). Город обеспечивает необходимую институциональную инфраструктуру и социальные сети для координации транснациональных экономических операций. Капиталистическое накопление развивается через последовательную смену системных циклов, каждый из которых характеризуется диалектическим единством двух фаз. В фазе материальной экспансии происходит концентрация капиталовложений в реальный сектор экономики и торговые операции, что находит свое пространственное воплощение в городах-метрополиях производственно-торгового типа. Последующая фаза финансовой экспансии, наступающая при снижении нормы прибыли в производственном секторе, сопровождается миграцией капитала в финансовую сферу и трансформацией городского лидера в глобальный финансовый центр.

Дж. Арриги отмечает, что в современных условиях доминирования финансовой экспансии наблюдается ослабление территориальной привязки капитала к национальным экономикам. Формируется глобальная сеть взаимосвязанных финансовых центров, включающая Лондон, Нью-Йорк, Токио, Гонконг и Сингапур. Этот процесс сигнализирует о кризисе текущего системного цикла накопления и переходе к принципиально новой, сетевой организации глобального капитализма, где традиционная иерархия городов-гегемонов замещается полицентричной системой узлов глобальной финансовой сети. Таким образом, эволюция городских систем отражает фундаментальные трансформации в способах капиталистического накопления, демонстрируя переход от монополярных моделей гегемонии к сетевым структурам координации в условиях финансовой глобализации [6].

Теоретической основой для анализа современных городов периферии в логике мир-системного анализа служит разработанная Т. Дус Сантусом теория зависимости.

Т. Дус Сантус выделил три исторические формы зависимости: колониальную (основанную на торговой монополии), финансово-промышленную (связанную с экспортом сырья) и, наконец, «новую зависимость», сложившуюся в послевоенный период. Последняя характеризуется доминированием транснациональных корпораций (ТНК), инвестирующих в промышленность, ориентированную на внутренний рынок развивающихся стран, и основана, прежде всего, на технологической и промышленной зависимости.

В эпоху «новой зависимости» главным механизмом извлечения прибавочного продукта становится технологическая рента. ТНК, базирующиеся в городах ядра, монополизуют передовые технологии через патентное право. Их филиалы, размещаемые в столицах и крупнейших городах периферии, становятся центрами внедрения и контроля за этими технологиями. Это обеспечивает постоянный отток ресурсов из периферийных стран в форме платежей за патенты, лицензии и репатрируемой прибыли ТНК, что создает структурные ограничения для самостоятельного накопления капитала на периферии. Столицы периферийных стран становятся анклавом концентрации непроизводительных и управленческих функций. Крупные города периферии выполняют роль внутренних метрополий в рамках национальных границ. Они выкачивают ресурсы (сырьевые, человеческие, финансовые) из собственных периферийных зон – сельских районов и малых городов – чтобы затем передать часть этих ресурсов в мировые центры через механизмы ТНК и финансовой системы. Эта внутренняя иерархия «метрополия-сателлит» зеркально воспроизводит глобальную структуру «центр-периферия», обеспечивая воспроизводство зависимости на всех уровнях.

Отметим, что концепция «новой зависимости» Т. Дус Сантуса позволяет раскрыть специфический функционал крупных городов периферии как трансмиссионных механизмов, обеспечивающих отток ресурсов и технологическую ренту в пользу ядра. Встроенные в броделевскую «длительную временную протяженность» и циклическую динамику Дж. Арриги, эти города предстают не как изолированные феномены, а как структурные элементы единого, но иерархизированного капиталистического мира-экономики, чья логика развития на протяжении столетий определяется его внутренней поляризующей динамикой.

Таким образом, город в методологии мир-системного анализа предстает не как автономный социокультурный феномен, а как фундаментальный структурный элемент глобальной капиталистической

экономики, чьи функции и иерархический статус исторически детерминированы его позицией в системе международного разделения труда.

Библиографические ссылки

1. Барсук И. А. Город в методологической программе мир-системного анализа // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика: материалы международной науч.-практ. конф., Минск, 25–26 ноября 2021 г. / БГУ; редкол.: И. В. Пинчук (гл.ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2021. С. 29–32.

2. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993.

3. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. 2–изд. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018.

4. Франк А. Г. Капитализм и недоразвитость в Латинской Америке: Исторические исследования Чили и Бразилии. М.: ИЛА РАН, 1992.

5. Амин С. Воспоминания. Экономика глобального капитализма. М.: Ин-т Африки РАН, 2020.

6. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Ин-т Гайдара, 2013.